

ИСТОРИЯ

Д.И. Сазонов

Протоиерей, кандидат богословия, докторант Общецерковной аспирантуры им. свв. Кирилла и Мефодия

Репрессии Советской власти против Истинно-Православной Церкви как повод для уничтожения церковной организации в Костромской епархии

«К свободе призваны вы братия» (Гал. 5, 13)

Религиозная ситуация в Советском Союзе конце 1920-х нач. 1930 гг. была довольно сложной. Многие священнослужители Русской Православной Церкви видя беспрецедентное вмешательство государства в церковные дела и желание властей подчинить Церковь выражали свой протест путем «непоминовения» вставших на путь «легализации» церковных властей и уходом в «катакомбы». За свою принципиальную позицию они были сосланы в ссылки, многие из них впоследствии расстреляны. Их обвиняли в принадлежности к Истинно-православной Церкви. А они хотели лишь свободы Церкви от власти государства. Одной из ярких страниц истории «разгрома ИПЦ» были священнослужители Костромской епархии, как принадлежавшие к иосифлянам, так и бывшие сторонниками митрополита Сергия. Это был их подвиг веры.

Ключевые слова: епископ, Истинно-православная Церковь, свобода, религия, Декларация.

Истинно-Православная Церковь, название которой закрепилось в начале XX века за теми, кто вначале противопоставлял себя живоцерковникам и раскольникам¹, затем перешло на последователей митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых), объединяло разных людей, основной идеологической платформой которых было неприятие политики государства направленной на разрушение Церкви, насилие над свободой человека исповедующего религию, и на тенденцию подчинения Церкви безбожному государ-

ству. Как утверждает М. В. Шкаровский, «именно владыка Иосиф ввел термин «Истинно-Православная Церковь», употребив его в 1928 г. в одном из своих писем[19, С. 223], отметив, что такое название имеет Церковь свободная от государственного насилия. Идеологической основой движения «иосифлян», ставших затем называться приверженцами ИПЦ, было неприятие курса митрополита Сергия, который выступая за легализацию отношений с государством, по мнению некоторых архиереев, священства и мирян, «допустил вмешательство гражданских властей» в дела и прямое порабощение Церкви[19, с. 224]. Временный Священный Синод, возглавляемый заместителем Местоблюстителя митрополитом Сергием указом от 6 августа 1929 года фактически приравнивал последователей ИПЦ к обновленцам и григорианам, объявляя недействительными совершенные ими таинства и указывая при-

¹ Первое документально зафиксированное появление термина «истинно православные» относится к 1923 году. В письмах в защиту Патриарха Тихона, которые направлялись в Комиссию по делам религиозных культов при ВЦИК СССР от оставшихся верными ему православных приходов Северного Кавказа, Средней Азии и Центрального Черноземья, верующие называли себя «истинно православными», противопоставляя, свои общины обновленческим. ru.wikipedia.org Истинно-Православная церковь. Дата обращения 07.09.2016 г.

нимать вернувшихся через Миропомазание[13, с. 168-169]. Как указывает Шкаровский, сами иосифляне себя раскольниками не считали и действительно ими не были, т.к. не пытались создать параллельную Церковь, считали главой Русской Православной Церкви Патриаршего местоблюстителя митрополита Петра (Полянского) и не создавали особых обрядов. Главной их, стратегической целью было привлечение большего количества сторонников в Высшее церковное управление, и возглавление его[19]. По мнению митрополита Иоанна (Снычева), который свидетельствовал о массовости иосифлянского движения «непоминающих» «многие их тех пастырей, которые в годы борьбы с обновленчеством показали себя стойкими борцами за чистоту православия, выступили против митрополита Сергия». По мнению владыки Иоанна, митрополит Сергий и возглавляемый им Синод допустили серьезную тактическую ошибку, т.к., большинство верующих было неподготовлено к новому курсу Русской Церкви на сближение с государством, осуществляющим антирелигиозную политику[6, с. 19]. Однако, исходя из открытых на данный момент материалов, свидетельствующих о беспрецедентном давлении на митрополита со стороны, в том числе и карательных органов, следует сказать, что вряд ли митрополиту Сергию было дано время на подготовку паствы к принятию как Декларации, так и курса направленного на легализацию Церкви в СССР, отраженного затем в Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях».

Следует признать, что опубликование «Декларации» стало той точкой отсчета, после которой по всей стране развернулся процесс по переходу на нелегальное положение многих монастырей и приходов. Кроме иосифлянского, возникли: даниловский, кирилловский, мечевский, и другие группы «непоминающих» митрополита Сергия и власть.

Власть рассматривала «уход в катакомбы» как враждебные по отношению к ней действия всей Церкви. Репрессии по отношению к иосифлянам не замедлили себя ждать. В марте-ноябре 1929 года были арестованы около 200 иосифлян в Ленинграде, Москве, Ярославле. Арестами 1932-1933 гг. фактически был положен конец легальному суще-

ствованию организации «истинно-православных», хотя из-за многочисленности последователей, отдельные приходы сохранились до середины 60-х годов. Исследуя переломный момент легализации церковных организаций в рамках Постановления 1929 года историк А. Беглов говорит о том, что пик преследований и репрессий в отношении духовенства пришелся не на вторую половину 30-х годов, а именно на 1929-1930 гг., как период повсеместного закрытия храмов и желание некоторых представителей власти отменить Постановление 1929 года, что фактически означало уничтожение Церкви как легальной организации[20, Л. 61-67]. Следует добавить, что именно период конца 20-нач. 30-х гг., стал временем подготовки партийных программ по индустриализации и «массовой коллективизации» в деревне к 1932 г.[26; 27], закрытия деревенских храмов, к подавлению сопротивления проведению насильственной «коллективизации», и уничтожению к 1933 г. кулачества как класса, что, по мнению некоторых исследователей, «ввергло страну в состояние гражданской войны» [17]. Напомним, что 1929 год был объявлен Сталиным годом «великого перелома» [15]. 1929 год охарактеризовался как год массовых выступлений против коллективизации². В ходе ликвидации кулачества, должны быть ликвидированы и все, сочувствующие им лица, под эту категорию, попадали и священники, часто высказывающие свое несочувствие к колхозному строю. Вопрос по коренному переустройству общества не мог обойти стороной и Церковь. «Постановление 1929 г. и сопутствующие ему документы (инструкции НКВД и ВЦИК), - пишет А. Беглов, - описавшие процедуру регистрации религиозной общины, задали параметры, по которым легко можно было определить положение каждой конкретной

² В январе 1930 года было зарегистрировано 346 массовых выступлений, в которых приняли участие 125 тыс. человек, в феврале — 736 (220 тыс.), за первые две недели марта — 595 (около 230 тыс.), не считая Украины, где волнениями было охвачено 500 населённых пунктов. В целом, по стране в одном только марте 1930 года ОГПУ насчитало 6.500 массовых выступлений, из которых 800 было подавлено с применением оружия. В целом в течение 1930 года около 2,5 миллионов крестьян приняли участие в 14 000 восстаний против советской политики коллективизации. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголин Дж-Л. Черная книга коммунизма = Le Livre Noir du Communisme. — М.: «Три века истории», 2001. — С. 155-158.

группы верующих: легальная ли она и имеет – хотя и очень ограниченное – право на существование, или нелегальна, и следовательно, подлежит уничтожению. Они значительно сузили зону легальной церковной жизни, - делает далее вывод историк, - и соответственно, расширили сферу церковного подполья[2, с. 35]. Под статьи УК 1926 г. ст. 58, п. 10 «Пропаганда или агитация, содержащая призыв к подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений [...] распространение или хранение литературы того же содержания»; 58, п. 11: «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений» подпадала деятельность церковного подполья[7, с. 465].

Общеизвестно, что атмосфера жизни тех лет состояла под лозунгами «враг притаился», «враг затаился». Вспомним политические процессы тех лет: «Шахтинский процесс» 1928 г., дело процесс Промпартии 1930 г., дело «Трудовой крестьянской партии» и т.п. Однако, если политические процессы были характерны для конца 20-нач. 30-х гг., то борьба советской власти против Церкви как таковой, шла постоянно, начиная с 1918 г. Она была классовая. Не следует думать, что борьба шла только против «нелегальной» подпольной Церкви. Ликвидация нелегальной части Церкви, как об этом пишет тот же А. Беглов, была лишь поводом для ликвидации Церкви вообще. Шла глобальная борьба имеющая цель порабощение человека, превращение его в раба системы. Уничтожались как целые епархии, лояльные к митрополиту Сергию и его Декларации напр., Ставропольская, так и оппозиционные[2, с. 36]. Схема, отработанная еще в 1918-нач. 20-х годов, была общеизвестна: выявлялась антисоветская враждебная (монархическая, террористическая) организация – иерарх как ее глава – раскрывалась связь с заграницей[2, с. 38], по собранному следователями материалу далее следовал процесс уничтожения врагов. Костромская областная газета «Северная правда» писала в конце ноября 1934 года: «Остатки поповства и церковников, являющихся самыми ярыми агентами недобитых

эксплуататорских классов, до сих пор еще используют отсталые массы трудящихся не порвавших с религией в своих гнусных целях помешать социалистическому строительству. Классовый враг хитро использует все возможности для того, чтобы отсрочить свою полную погибель» [8].

При этом, как справедливо отмечает в своей монографии прот. А. Мазырин: «Органы НКВД были прямо заинтересованы в том, чтобы представить всех, как они называли «церковников» членами всесоюзной антисоветской организации», стоящими на одной «контрреволюционной платформе». Само выражение «платформа ссыльного епископата» было, по-видимому изобретением тех же органов (рано как и приобретенное специфический смысл словосочетание «Истинно-православная церковь»). Во многом могли быть сфальсифицированы и признательные показания о том, что те или иные конкретные иерархи были сторонниками этой к.-р. платформы» [10, с. 176-177].

Все вышеизложенное, на наш взгляд, должно служить к развенчанию еще одного мифа, а именно того, что арестованные по обвинению к причастности к контрреволюционному подполью епископы, священники и миряне, заявлявшие якобы о своей отрицательной позиции по отношению к церковной организации возглавляемой митрополитом Сергием, либо бывшие лишь противниками государственного закрепощения Церкви, были врагами государства и легализации Церкви. На мой взгляд, все было гораздо тоньше: иногда ярлык «непримиримых» им навязывала власть, чтобы по отмашке сверху расправиться со всяким родом оппозиции, иногда, под воздействием слухов и за неимением объективных данных, некоторые действия центра воспринимались как «отход от православия», что и диктовало им решение уйти в оппозицию.

На примерах репрессий священнослужителей Костромской епархии попытаемся раскрыть истинную картину происходящего. В 1928-1929 центром иосифлянкой активности Костромской епархии были Костромской (священники В. Сарментов, М. Изюмов, И. Альбов), Буйский р-ны (в основном насельники закрытого в 1927 году Иаково-Железоборовского монастыря иером. Иоасаф (Сазанов), иером. Петр (Серов), иером.

Серафим (Борисов)) и Нерехтский районы (последователи епископа Любимского, викария Ярославской епархии Варлаама (Ряшинцева)³), а также территория бывшего Кинешемского викариатства (сторонники епископа Василия Кинешемского и Николая (Голубева)). Церковная ситуация в Костроме в 20-нач. 40-х гг. среди православных была пестрой: были обновленцы и тихоновцы, викториане и григориане, много было иосифлян. 7 сентября 1929 г. была арестована группа «иосифлян», которые проходили по делу Ярославской церковно-монархической организации «Истинное Православие», постановлением Коллегии ОГПУ от 3 января 1930 г. к 3 годам лагерей были осуждены иеромонах Алексей (Голубев), священники Константин Разумов, Иоанн Румянцев, Михаил Успенский, священник Александр Яковлев - к 5 годам, священники Иоанн Нарбеков, Василий Добровольский, Николай Доватский - к 3 годам ссылки в Северный край, епископ Николай (Голубев) ко времени вынесения приговора скончался. В 1932 году были арестованы как принадлежавшие к иосифлянам – ИПЦ, бывшие насельники Иаково-Железоборовского монастыря иеромонахи Серафим (Борисов) и Серафим (Груздев) [16, с. 18-28]. 29 октября были подвергнуты арестам 20 представителей духовенства и мирян Костромы. Еще ранее, в феврале 1929 г. как активный участник ИПЦ приговорен к ссылке на 3 года епископ Василий (Преображенский), которому по окончании ссылки было инкриминировано, что он: «В 1918 году создал сеть контрреволюционных кружков — филиал ИПЦ (Истинная Православная Церковь), ставивший своей задачей через религиозное антисоветское воспитание религиозных масс свержение существующего строя [...] Организовал и воспитывал кадры тайного моления монашества. Добился в ряде сельсоветов Кинешемского района упадка роста коллективизации, массовых волнений

³ 7 сентября 1929 года был арестован в Ярославле по делу «церковно-монархической организации „Истинное православие“»; 3 января 1930 года особым совещанием при коллегии ОГПУ приговорён к трём годам ИТЛ. 22 февраля 1933 года был досрочно освобождён; находился в ссылке в Вологде. В Вологде совершал тайные богослужения дома; создал небольшие женские монашеские общины (из числа монахинь закрытых обителей). *Мазырин А. В., Шкаровский М. В.* Варлаам (Ряшенцев) // Православная энциклопедия. Том VI. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. — С. 598.

и ухода старых работниц с производств» [28]. В декабре 1932 г. были арестованы священнослужители с. Сидоровское свящ. П. Березин и диакон В. Магер. В июле 1933 года епископ Василий Кинешемский был приговорен к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Вместе с ним приговорили еще одиннадцать человек, в частности священника Павла Березина, Александра Чумакова и монахиню Виталию — к пяти годам, Марию Андреевну Дмитрову и ее сестру Елизавету — к трем годам лагерей.

13 ноября 1933 в Кострому переехал из Вязьмы еп. Днепропетровский Макарий (Кармазин). Это был известный архиерей, управлявший Киевской епархией до высылки с Украины в 1927 году. Он поселился в с. Селище на окраине Костромы, «устроил на своей квартире тайную церковь и вскоре возглавил общину, в которую вошли благочинный костромских церквей о. Павел Острогорский, три монахини и несколько мирян, в том числе высланный из Ленинграда проф. Н.И. Серебрянский» - как пишет М. В. Шкаровский [18, с. 131]. Налицо казалось бы подпольная организация, которую затем ликвидируют опытные следователи НКВД.

Однако, зададим вопрос, есть ли основания считать их раскольниками или сектантами? Приведем письмо свящ. Николая Заварина от 15 ноября 1934 г., адресованное местному благочинному о. Николаю и еп. Неофиту (Коробову): «Вы считаете нас раскольниками, отделившимися от единства церковного. Правда ли это? Отвечаю: нет. Мы всею душою и телом принадлежим к Российской Православной Церкви, возглавляемой самим Господом Спасителем и управляемой находящимся во временной ссылке патриаршим местоблюстителем митрополитом Петром. [...] Мы только воздерживаемся признать православной ориентацию, образовавшуюся вследствие раздора, внесенного митр. Сергием, и им возглавляемую [...] Не знаю, какого мнения о митрополите Сергии сейчас местоблюстители митрополит Петр, но знаю, что в 1930 г. он был против него. Я лично читал его письмо к архиепископу Димитрию⁴, где митрополит Петр отрицательно отзывался о митрополите Сергии и его действиях, называя их прикры-

⁴ Епископ Гдовский Димитрий (Любимов) – один из ярких представителей иосифлянского.

тым обновленчеством, и советовал православных чад воздержаться от признания Сергия» [16, с. 15-16].

Приведем показания свящ. Н. Заварина⁵ из протокола допроса 3 марта 1935г.: «Вопрос следователя: В чем конкретно расхождения (следователь уже называет митрополита Сергия патриархом – Д. С.) Сергия с Петром, Виктором и Иерофеем Никольским?

Ответ: Расхождения следующие: после смерти патриарха Тихона, последний перед смертью назначил заместителем Петра, которого впоследствии арестовали и на пост патриарха до некоторой степени самозвано пришел Сергей, вот после этого и случились расхождения... разногласия получились исключительно в принципе, но не по другим каким-либо политическим взглядам.

Вопрос: Какая должна быть во вашем мнению защита православной Церкви?

Ответ: Со стороны митр. Сергия и Синода абсолютно нет никаких указов и распоряжений по вопросам Церкви, как примерно поступать в тех случаях, когда закрывают церковь. О налогах, ну, вот, поэтому у меня сложилось мнение, что Православную Церковь не защищают» [16, с. 17].

Зададимся вопросом, действительно ли можно сказать, что позицию этих людей можно считать крайне непримиримой по отношению к митрополиту Сергию и его курсу по легализации Церкви? Или мы имеем дело лишь с подчас эмоциональными высказываниями, сделанными в определенное время при определенных обстоятельствах?

Если судить по высказываниям епископа Макария (Кармазина), на протоколах его допроса от 2 октября 1934 года, где с его слов записано: «Митрополита Сергия как главу русской церкви я не признаю и его осуждаю за его нерешительную политику к Советской власти и неправильное интервью, данное им в 1930 году иностранным корреспондентам» [23, л. 41], то здесь мы увидим отрицательную оценку как личности митрополита Сергия, так и проводимой им политики по легализации Церкви. Однако как указывает в своей статье «Протоиерей Павел Острогский (1877-1937): жизнь и подвиг» архиепископ Костромской и Галичский Александр (Могилев), имея озвученную в

протоколах допроса отрицательную позицию по отношению к митрополиту Сергию, «владыка Макарий ежедневно посещал Александрo-Антониновский храм и молился за богослужениями, на которых возносилось имя митрополита» [1, с. 35], что говорит не о кардинально непримиримой позиции, а на ситуативном понимании происходящих процессов. Владыка Александр также не согласен с мнением прот. А. Мазырина, считающего, что позиция епископа Макария по отношению к митрополиту Сергию и «сергианам» «была значительно более жесткой, чем даже позиция святителя Кирилла⁶» [10, с. 159]. Как справедливо указывает архиепископ Александр, епископ Макарий общался с духовенством Александрo-Антониновской церкви - сергианами, присутствовал на службе, ввел систему подхода к нему за благословением – такое поведение, как замечает автор, «никак не согласуется с образом «идеолога истинно-православной церкви», принципиального противника митрополита Сергия. Тем более, неуместно приписывать владыке Макарию мнение о безблагодатности «сергиевской иерархии» [1, с. 34]. Он общался и переписывался с представителями различных церковных кругов – от активного «иосифлянина» прот. Н. Пискановского до «сергианина» епископа Иоасафа (Жевахова). В переписке нет однозначного призыва уходить в катакомбы, как и нет однозначной оценки митрополита Сергия.

Подтверждают мнение владыки Александра письма епископа Макария, его личная переписка, где нам представляется совсем иная оценка личности митрополита Сергия, которая, скажем, «несколько отличается» от трактовки, представленной следователем в его показаниях. В письме к Р.А. Ржевской, в котором говорится о переписке с епископами Иоасафом (Жеваховым) и Антонием (Панкеевым). 21 июля 1934 г., используя конспирологические имена епископ Макарий так отзывается о митрополите Сергии, именуя его Иваном Николаевичем: «От Евд[окии] Гр[игорьевны] получил письмо от сына Иоас[афа], который говорит, что он согласен со мной в оценке Ив[анна] Ник[олеви́ча], но мы к цели подходим разными путями. Опять он подчеркивает, Ив[ан] Ник[олаевич] высокой

⁵ Свящ. Н. Заварин был арестован 2 марта 1935 г.

⁶ Священномученик митрополит Казанский Кирилл (Смирнов), 1863-1937).

личной жизни, и говорит, что Господь карает церковь за наши грехи» [24, л.13]. Приведенная цитата показывает, что скорее всего, епископ Макарий принадлежал к тому течению иосифлян, которое видело в деятельности митрополита Сергия «иерарха, превысившего свои полномочия и допустившего по этой причине неправильные действия» [18, с. 227].

На основании вышеизложенного, зададим вопрос, в чем же видели следователи принадлежность подследственных к истинно-православной церкви? Может дело было прежде всего в занимаемой позиции, которую следователи (власть) рассматривали как позицию противления государственной идеологии? Позиция митрополита Сергия на данный момент и в данном контексте считалась более легитимной, чем позиция «сектантов» - «непоминающих», «катакомбников», в данной ситуации, противников Сергия, и она рассматривалась как борьба против власти?

Например, посмотрим протокол допроса настоятеля Александро-Антониновской церкви г. Костромы прот. Павла Острогского 12 ноября 1934 г.: «Вопрос: «Расскажите, когда и при каких обстоятельствах ВЫ примкнули к нелегальной группе ревнителей «истинноправославной церкви», возглавляемой епископом Макарием (Кармазиным)?

Ответ: К нелегальной группе ревнителей «истинно-православной церкви», возглавляемой епископом Макарием (Кармазиным), я лично примкнул в ноябре м[есяце] 1933года, т[о] е[сть] с того момента, когда Кармазин поселился в с[еле] Селищах». Сейчас, когда мы рассматриваем протокол, в глаза бросаются явные несоответствия реальности происходящего: протоиерей Павел, благочинный Костромы, как сразу увидел епископа Макария, так сразу же, служа в «сергиевском храме», возглавляя благочиние в «сергиевской епархии» примкнул к катакомбной группировке [23, л. 60]. К тому же, в протоколе указаны неправильные имена участников группы, что является еще одним свидетельством интерпретации слов обвиняемого следователем в своих целях.

А вот уже протокол от 29 ноября 1934 г.: «Я, Острогский Павел Федорович... Признаю себя виновным в том, что я, будучи отрицательно настроен к Советской власти и ее хозяйственным мероприятиям

принимал участие в собраниях группы, устраиваемой епископом Макарием Кармазиным [...] Лично по своей инициативе⁷ организовал нелегальную кассу, средства которой мной расходовались для оказания материально-денежной помощи ссыльному духовенству и участникам группы. Распространял к-р. провокационные слухи о голоде и массовой смертности на Украине, с целью создать недовольство массы верующих к существующему строю, среди последних распространял к-р. провокационные слухи о гонениях Светской властью православной веры, духовенства и верующих» [23, л. 88].

Власть рассматривала церковников однозначно - что те, кто именовался «истинно-православными», что другие - «сергиевцы», были «классовыми врагами» советской власти. Все, кто поднимал свой голос в защиту гонимой Церкви, выражал свое недовольство проводимой большевиками политикой «коллективизации», кто высказывал свою озабоченность спровоцированным властью голодом, непомерными налогами – подлежал ссылке, а затем, к уничтожению.

Вот протокол допроса Н. И. Серебрянского 3 ноября 1934 года:

«Вопрос: Какие программно-политические установки ставят «истинно-православная церковь», к которой принадлежит Кармазин?

Ответ: Из тех, приведенных Кармазиным со мною бесед видно, что программно-политические установки «истинно-православной церкви» основаны на: 1. Построение всей церковной деятельности и жизни на платформе решений Поместного собора 1917 г., которыми все верующее население призывалось к открытой борьбе с Советской властью, 2. Насажение тайных церквей на дому по типу «древняго христианства», объединение вокруг них духовенства и церковников-мирян». В оценке профессора Серебрянского нет решительного осуждения митрополита Сергия и его курса по легализации Церкви» [23, л. 37].

Или вот пример того, как следователь видит вину осужденных даже не в том, что они не поддерживают митрополита Сергия и стоят в оппозиции к нему, а во враждебности

⁷ Доподлинно известно, что кассу взаимопомощи прот. П. Острогский организовал по указанию архиепископа Никодима (Кротова) – прим. Д. С.

церковников к советской власти. 22 октября оберуполномоченный Проценко по делу «Селищинской группировки ИПЦ», вынес постановление, в котором говорилось: «Острогский, будучи враждебно настроенным к Советской власти и ее хозяйственно-политическим мероприятиям, входил в организованную идеологом «Истинно-Православной Церкви» епископом Кармазиным Макарием к/р группу, ставившую своей целью: а) Объединение реакционно-враждебной части церковников Костромского района, являющихся сторонниками «Истинно-Православной Церкви», для активной борьбы с Советской властью. б) Насаждение нелегальных домашних церквей с целью подготовки церковных кадров и идейных противников Советской власти» [23, л. 156]. Владыке Макарию еще «довели связь с заграницей» и шпионство: «одновременно с этим имел связь с заграницей, откуда через Польский Красный крест (слова «через Польский Красный крест» зачеркнуты в документе карандашом – Д, С.), получал ежемесячно материальную помощь в размере 10 руб. золотом» [23, л. 156]. Из протокола обвинения: «В октябре месяце 1934 г. секретно политическим отделом Управления КВД ИПО в г. Костроме вскрыта и ликвидирована церковно-монархическая контрреволюционная группа последователей Истинно-православной Церкви. Группа проводила в жизнь политические установки вдохновителей ИПЦ – бывшего заместителя патриаршего местоблюстителя архиепископа Серафима (Самойловича), митрополита Казанского Кирилла и возглавлялась епископом Киевским Макарием (Кармазиным). 17 марта 1935 года епископ Макарий был приговорен к пяти годам ссылки в Казахстан. К пяти годам ссылки были приговорены прот. П. Острогский и Р. А. Ржевская и М. И. Сегеркранц. Там, в Казахстане,

Несостоятельность и надуманность обвинений, в которых переписка с собратиями по служению в церкви превратилась в «объединении реакционно-враждебной части церковников ИПО⁸ и других областей, являющихся сторонниками ИПЦ для активной борьбы с советской властью», а также, в «восстановлении идейных связей с едино-

мышленниками», домашняя церковь превратилась в сеть тайных церквей, десять знакомых, среди которых большинство были родственники – в организацию «ИПЦ», пожилой человек, отстраненный от своей основной своей деятельности - служения в Церкви – в идеолога, да и прямая фальсификация протоколов с «признаниями» осужденных, которая ясно показана рядом авторов, среди которых назовем архиепископа Костромского и Галичского Александра (с 2010 г. митрополит Астанайский и Казахстанский – прим. автора)[1, с. 35, 40], протодиакона Сергия Голубцова и др. [5, с. 73-74], видна невооруженным взглядом. Надуманность обвинений видна, укажем еще на случай, который подтвердит заказной характер осуждения священнослужителей и подведением осужденных под статью о принадлежности к.-р организации и к деятельности против Соввласти. Еще в 1924 году священник Христо-Рождественской церкви г. Костромы Константин Алферов был арестован и ему пытались предъявить обвинение за хранение воззвания Поместного Собора от 27 января 1918 г. по поводу декрета о свободе совести и «отделением церкви от государства» (выписанного из газеты – прим. автора), призывавшее к сопротивлению Соввласти. Обвинение по 119 статье УК так и не удалось тогда предъявить. Однако, несмотря на оправдание 28 октября 1929 года постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ священник Константин Алферов был выслан на три года в Северный край[25, л. 79, 150, 150 об.]. Священника с. Заветлужье Николая Заварина⁹ судимого в 1930, в 1932 году вновь арестованного и отпущенного на свободу, в 1935 году обвиняли не только в не признании сергиевской декларации, но и в активной позиции против закрытия местными властями церквей. Среди изъятых при обыске у о. Николая документов, были проекты заявлений властям о творившемся произволе, в них читаем: «Почти на всех колхозных собраниях руководители заявляли верующим, что хоть подпишитесь, хоть нет, а мы церковь отберем. А это значит, что действия свои они не хотят располагать согласно воле и пожеланию масс» [16, с. 17]. 21 июня 1935 г. свя-

⁸ Ивановская промышленная область – прим. Д. С.

⁹ Священник Николай Заварин был последователем истинно-православного архиеп. Виктора Воткинскогo и Глазковского.

щенник осудили на 3 года с.58.10. и отправили в Караганду. Вещественным доказательством могли послужить молитвы о страждущих заключенных митрополитах и епископах Петре, Иосифе, Василии и других...», постановления Собора 1918 года о возглашении прошений о гонимых ныне за Православную веру и Церковь и скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках, тексты «антисоветских молитв» и т.д. Несмотря на то, что, например, у прот. П. Острогского при обыске на квартире 7 октября 1934 г. ничего крамольного не было обнаружено, 8 октября он был арестован и ему было выдвинуто обвинение по ст. 58 п. 10 УК. У епископа Макария также не были найдены признаки подпольного храма: не нашли ни богослужебных сосудов, ни антиминс. Вещественными доказательствами служили только письма. Внутрицерковное дело власть рассматривала как покушение на свои устои. Налицо присутствует явный заказ власти на осуждение этих людей.

Вернемся к схеме «разоблачение и выявление контрреволюционного антисоветского подполья» - руководителя-иерарха – связь с границей и покажем, что репрессивный аппарат, работающий по заданию сверху, работал одинаково как против «катакомбников-нелегалов», так и против легально существующей церковной власти как с целью ее полного подчинения и контроля, так и с целью (по возможности), уничтожения.

Тут мы подходим к делу ареста легального архиепископа Костромского и Галичского Никодима (Кроткова) назначенного 10 июня 1932 года митрополитом Сергием управляющим Костромской епархией, по приглашению которого из Вязьмы в Кострому приехали и епископ Макарий (ноябрь 1933г.), и знакомый по Псковской семинарии профессор Н. И. Серебрянский. Владыка оказывал помощь и содействие репрессированным священникам. Для их поддержки он учредил кассу взаимопомощи.

К 1930 году 65% священнослужителей Костромской епархии прошли ссылки и лагеря (ИТЛ) [4, с. 16]. Накануне Пасхи 1932 года (незадолго до приезда архиепископа Никодима) в заметке костромской областной газеты «Северная правда» «Множить ряды армии безбожников» говорилось: «Нашей

армии безбожников противостоят еще значительные силы противника. В нашем районе еще насчитывается более 40 церквей, из них 15 в городе. Сосредоточившиеся в них попы и церковники ведут разлагательскую работу, агитируя отсталую часть населения против социалистического строительства, против всех мероприятий партии и Советской власти» [12]. Желая решить проблему с кадрами, часть которых, как мы уже сказали, находилась в местах лишения свободы и ссылках, святитель оказывал помощь и содействие священнослужителям ввернувшимся из ссылок в трудоустройстве, посылая их в сельские приходы епархии. Начиная с 1935 года в епархию прибывали священники и монахи, отбывшие ссылку в Северном крае¹⁰ - он их принял и дал приходы, в 1935-1936 гг. прибыло около двадцати человек, в основном, монашествующих (игумен Вениамин (Махнюк), иером. Герман (Белый)). Для помощи, в том числе и им (а также заключенным и ссыльным священникам – прим. Д, С.) была создана касса взаимопомощи, которой заведовал благочинный церковью Костромы прот. Павел Острогский. Впоследствии, этот факт был поставлен святителю в вину, и расценивался властями как «стягивание контрреволюционных кадров», а также, создание контрреволюционных монархическо-террористических организаций» [21, л. 29-29об.].

Отношения архиепископа Никодима к митрополиту Сергию и его курсу, как нам известно, не было однозначным. Из протокола допроса архиепископа Никодима 2 января 1937 года, мы узнаем, что сославшись на показания секретаря епархии Н. Бобровского, следователь Ильичев обвинил его в том, что тот осуждал митрополита Сергия «за его слабую церковную политику к гражданской власти», а также, что одновременно архиепископ распространял «контрреволюционные слухи против советской власти», заявляя, что уже упоминаемое интервью от 15 февраля 1930 года заместитель Патриаршего Местоблюстителя «якобы подписал под насильством Советской власти». Святитель отверг обвинения [21, л. 7], которые буквально, как

10 Северный край – название административно-территориального образования, созданного в 1929 году из бывших Архангельской, Вологодской и частично Костромской губерний.

мы видим, были скопированы с обвинений «идеолога Истинно-православной Церкви» епископа Макария, обвиненного также в неояльности митрополиту Сергию как группа истинно-православных (см. выше, с.5, - прим. Д. С.).

Кроме стандартных обвинений о распространении контрреволюционной и пораженческой агитации в отношении архиепископа Никодима прозвучало обвинение в организации контрреволюционной организации и связях с границей: «В 1934 г. Кротков имел связь с фашисткой Германией и через Берлинскую посылочную контору «Фаст и Бриллиант» получал материальную помощь» [21, л. 29-29 об.]. 3 сентября 1937 года без возбуждения уголовного дела Управлением НКВД Ярославской области исповеднику было предъявлено новое обвинение в проведении контрреволюционной деятельности (ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР). Он уже проходил по "групповому делу митрополита Павла (Борисовского) и архиепископа Никодима (Кроткова). Ярославль, 1937-1938гг.". На следующих допросах вновь прозвучало обвинение в шпионской деятельности¹¹. Новое судебное производство против святителя Никодима открытое в 1938 году (архиепископа вернули из Красноярской ссылки – прим. автора) уже не касалось таких мелочей как материальная помощь ссыльным. Речь с самого начала шла о шпионаже в пользу иностранных государств: на румынскую и польскую разведку, на работу в деникинской разведке. Органами следствия удалось «раскрыть» еще одну преступную деятельность, в которой «сознался» подозреваемый епископ: он возглавлял большую и разветвленную повстанческую организацию, которая в случае нападения на СССР должна была поднять в Ярославской области восстание. В организацию входили все священнослужители Костром-

¹¹ Из протокола допроса: "Признался в шпионаже в пользу Румынии с 1910г., после революции - в пользу Польши. Принял в 1910г. 1000 руб. от румынской разведки через свящ. Валовой. В декабре 1911г. был переведен в Киев, связь с румынской разведкой продолжалась до войны, всего получил два раза по 1000 руб. и два раза более мелкие суммы. С 1919г. в Кракове стал польским шпионом. С 1922г. в Костроме получал деньги от Митрополита Евлогия. Стянул в свою епархию с Украины, Крыма и их мест ссылки людей, связанных в прошлом по а/с деятельности (20 фамилий). Готовил с ними, при участии крестьян вооруженные выступления против соввласти. Был связан с Борисовским П.П. Архив УФСБ по Ярославской обл. Д.С-12597

ской и Ярославской епархий (в Ярославле организацию возглавлял митрополит Ярославский и Ростовский Павел (Борисовский)¹², связи организации тянулись в Москву к митрополиту Сергию (Страгородскому), критиком линии которого за сотрудничество с властями, был, по версии следствия, архиепископ Никодим. Абсурдность обвинений показывает тот факт, что у организации, готовившей вооруженное выступление накануне войны не было оружия. В протоколе записаны слова, которые якобы принадлежат владыке: «Этот вопрос должен быть решен перед самым выступлением» [22]. Логика в обвинениях не была никакой, кроме: была обезврежена террористическая организация. В конце апреля 1938 года арестовали большую часть священников Костромской епархии, оставшихся на свободе после 1937 года. В документах НКВД содержится отчет о проделанной работе: «была вскрыта и ликвидирована церковно-монархическая организация, созданная в гр. Костроме в 1936 году бывшим Костромским архиепископом Кротковым» [22, л. 122].

Напрасно владыка писал жалобы и апелляции, указывая на ненормальность ведения следствия, где следователь: «часто горячился, кричал, угрожающе махал руками; когда я отрицал какое-либо деяние приписываемое мне, он кричал: «ложь, обман, вы обнаглели, я вас уличу, я не разрешу вам передачу (и последнюю не разрешил), вы ведете себя как школьник, как мальчишка, я конфискую ваше облачение...мы сошлем вас туда, куда и посылки не дойдут от ваших почитателей». После таких допросов я возвращался в тюрьму в 4-6 часов утра расстроенным, больным, не мог уснуть целый день; болел и раньше сердцем, мне 68 лет [...] Он не верил. «Симуляция, - говорил он, - вы здоровы, притворяетесь». Неоднократно ругался матерно. Все это делалось с целью заставить меня признаться в том, чего я не делал» [21, л. 6].

Назначенный на Костромскую кафедру епископ Феодосий (Кирика) пробыл на свободе лишь пару недель. В конце августа 1928 года он был арестован. О его дальнейшей судьбе до сих пор нет сведений. К концу

¹² Митрополит Павел (Борисовский, 1867-1938). Арестован в августе 1937 г., обвинен в создании «контрреволюционной повстанческой организации, расстрелян 6 октября 1938 года.

1938 года Костромская епархия и Ярославские епархии, как организация, имеющие свою структуру и кадры перестали существовать: основной костяк духовенства и членов церковных причтов, приходских советов находились в ссылках или погибли, большинство храмов подверглись закрытию. Если к приезду владыки Никодима в Костроме действовало 15 церквей, то к концу 1936 года их осталось 5 (еще был открытой одна церковь, находящаяся у обновленцев). Лишь в 1946 году на Костромскую землю прибыл епископ Антоний (Кротевич).

Не вызывает сомнений искренность людей о судьбе которых было рассказано выше: как не разрывавших канонического общения с митрополитом Сергием, так и тех, кто считал, что своим «стоянием даже до смерти» они спасут «истинную Церковь». В них не было духа непримиримой вражды. Они верили, что Господь не даст своей Церкви погибнуть. Как писал епископ Василий Кинешемский в своем труде «Толкование на Евангелие от Марка»: «Полосы беспросветного мрака бывают и в общественной жизни. Порой ложь и зло сгущаются до такой степени, что в этой ядовитой атмосфере становится трудно дышать. Блекнет надежда, и дух невольного уныния надвигается как кошмар, как тяжелая туча [...] В настоящее время Православная Церковь переживает тяжелый кризис. Воздвигнутое на нее упорное гонение, систематическое и лукавое, смущает и тревожит даже наиболее стойких и искренних христиан [...]. Но вспомните Гроб Господень – этот живой, говорящий, торжествующий Гроб, - и не смутная надежда, а спокойная, совершенно непреодолимая уверенность наполнит ваше сердце и укрепит волнующуюся мысль. Церковь не может погибнуть, ибо Господь создал ее, и врата ада не одолеют ее (Мф. 16, 18). Пусть Господь ведет нас через провалы и бездны неверия, через очистительный огонь преследования. Такова Его святая воля, Его Премудрый Промысл «глубиной мудрости человеколюбиво вся строяй и полезная всем подаваяй». Так надо. Причины и тайные цели неведомых путей Его нам бесполезно и не должно исследовать. Нам достаточно знать, что Господь с нами «во вся дни до скончания века. Аминь (Мф. 28, 20)» [3, с. 608-610]. В основном все, о ком мы рассказали, были учени-

ками одной духовной школы: в Костромской семинарии на одном потоке учились и будущий епископ Василий Кинешемский и протодиакон костромского кафедрального собора В. Померанцев, будущий архиепископ Никодим (Кротков) и будущий архиепископ Волоколамский Феодор (Поздеевский). Об их авторитете хорошо свидетельствуют показания арестованных священников: «Из арестованных вместе со мной священников знаю хорошо Воскресенского, Говоркаго, Сарментова и протодиакона Померанцева и Изюмова. Эти лица в церковном мире Костромы являются самыми авторитетными и по ним равняется все духовенство города» [16, с. 14].

Они искренне хотели, чтобы Церковь обретшая свободу от государства в 1918 году оставалась свободной, и эту свободу они готовы были защищать ценой своей жизни. На их глазах происходил беспрецедентный рост религиозности в 18-20-х годах среди, как ранее писалось «расцерковленной крестьянской и рабочей массе» [14, с. 137]. Они видели, что власть бессильная против объединенного вокруг своих святых народа. Активный и решительный протест Церкви в 1923 году показал ничтожность всяких «регистрационных удостоверений» [...] Регистрационная государственная политика в результате дружного отпора кончилась полным провалом: народные массы, объединенные вокруг Патриарха Тихона, не обращали внимания на все эти официальные циркуляры, [...] и с этой мощной волной протеста власти не могли ничего сделать» [9, с. 252]. Власти даже сделали дни великих христианских праздников выходными [14, с. 173].

К большому сожалению, народные массы были напуганы и запуганы террором конца 20-30-х годов. Как пишет М. Шкаровский: «В целом в условиях 1920-х гг. у иосифлян почти не было шансов доминировать в Русской Православной Церкви. Государственная религиозная политика того времени поддерживалась вековой традицией отношения Церкви к светской власти и нежеланием большей части епископата и духовенства уходить в подполье в случае необходимости. Одна из причин поражения иосифлянства заключалась в резком ужесточении антирелигиозных акций советского режима в конце 1920-1930-х гг. Тактика привлечения на свою сторону духовенства путем агита-

ции, назначения священников и епископов из других епархий в условиях советской действительности тех лет была обречена на поражение [...] иосифляне явно недооценили «политическую усталость» религиозных масс после нескольких лет революции и Гражданской войны, ее нежелание идти на конфронтацию с властью. В этих условиях сложные вопросы «каноничности – не каноничности» тех или иных поступков митрополита Сергия отступали на второй план» [19, с. 232].

Трудно не согласиться с этими выводами. Однако, сегодня, невзирая на пессимистические оценки разума и целесообразности, мы можем сказать о великой победе мучеников над тлетворным духом рабства: к лику священномучеников причислены и епископ Макарий (Кармазин) и архиепископ Никодим (Кротков), епископ Василий Кинешемский и епископ Иоасаф (Жевахов), священники Николай Заварин и Константин Разумов. Вечная им память!

Их победа запечатлена в 14 ст. Конституции России принятой в 1993 г. и законом «О свободе совести и религиозных объединениях» 1997 г.

Библиографический список:

1. Александр (Могилев), архиеп. Протоиерей Павел Острогский (1877-1937): жизнь и подвиг // Костромские епархиальные ведомости. № 5. Май, 2009.
2. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, «Арефа», 2008.
3. Василий (Преображенский), епископ. Беседы на Евангелие от Марка. М. 1996.
4. Головин А., Попов М. Рясники и сектанты Ивановской области. Вып.2. Иваново, 1930.
5. Голубцов С., протоиерей. Профессура МДА в сетях ЧК и ГАЛАГа. М., 1999.
6. Иоанн (Снычев), митр. Расколы // Христианское чтение. 1991 № 6.
7. Книга памяти жертв политических репрессий Костромской области. Кострома, 2007.
8. Книжный Е. Крепить ряды воинствующего атеизма// Северная правда. 23.11.1934.
9. Левитин А., Шавров В. История русской церковной смуты 20-30 гг. Т.1. М., 1963.

10. Мазырин А., иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х – 1930-х годах. М., 2006.
11. Мазырин А. В., Шкаровский М. В. Варлаам (Ряшенцев) // Православная энциклопедия. Том VI. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. — С. 598.
12. Множить ряды армии безбожников// Северная правда 01.05.1932.
13. Регельсон Л. С. Трагедия Русской Церкви 1917-1945. М.: Крутицкое Патриаршее подворье. 1996.
14. Русак В. Пир сатаны. Русская Православная Церковь в «ленинский период (1917-1924). Из-во «Заря». Лондон, Канада, 1991.
15. Сталин И. В. Сочинения. «Год Великого перелома. К XII годовщине Октября».
16. Хлебников М. Движение истинно-православных в Костромской губернии // Православная жизнь - 1997 - №5.
17. Хлевнюк О. В. «Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы». М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. Гл. 1.
18. Шкаровский М. В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб.: НИЦ «Мемориал», 1999.
19. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Вече, Лепта, 2010.
20. ГАРФ. Ф.5263. Оп.1. Д.58.
21. ГАНИКО. Ф. 3656. Оп.2. Д.1143. Т.1. приложение.
22. ГАНИКО. Ф. 3656. Оп.2. Д. 1143. Т. 2.
23. ГАНИКО. Ф. 3656. Оп.2. Д.6179. Ч.1.
24. ГАНИКО. Ф.3656. Оп.2. Д.6179. Ч.2.
25. ГАНИКО. Ф.3656. Оп.2. Д.8376.
26. Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 августа 1928 г. «Об организации крупных зерновых хозяйств»
27. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» на XVI Съезде ЦК ВКП(б) 1930 г.
28. drevo-info.ru О проекте 12050.html. (Дата обращения 09.09.2016 года)